

Расшифровка

ПЛЕНАРНАЯ ДИСКУССИОННАЯ ПАНЕЛЬ I

Руслан Гринберг: Мы начинаем работу. Я приглашаю участников первой панельной дискуссии на сцену. Начнем тогда.

(Диктор представляет участников панельной дискуссии).

- Модератор – **Руслан Семенович Гринберг**, директор Института экономики Российской Академии Наук.
- **Александр Владимирович Бузгалин**, профессор Московского государственного университета имени Ломоносова.
- **Иммануил Валлерстайн**, профессор Йельского университета.
- **Альфред Гузенбауэр**, федеральный канцлер Австрии в 2007 – 2008-м годах.
- **Оксана Генриховна Дмитриева**, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Российской Федерации по бюджету и налогам.
- **Гжегож Колодко**, профессор Козминского университета, бывший заместитель премьер-министра и Министр финансов Польши.
- **Владимир Иванович Якунин**, президент ОАО «Российские железные дороги».

Руслан Семенович Гринберг, директор Института экономики Российской Академии Наук (модератор):

– Уважаемые коллеги! Мы начинаем нашу первую секцию.

Мы забыли объявить вице-президента Российской Академии Наук **академика Некипелова**. *(Аплодисменты)*. Это произошло не случайно, потому что он должен был сегодня улететь в город Лондон, но так получилось, что выбрал свободу.

(Смех в зале, аплодисменты).

Итак, дорогие друзья, мы начинаем!

У нас семь спикеров. Семь спикеров и полтора часа – до 12.00 мы должны работать. Я должен сказать, что мне не все нравится, что мы перенимаем на

западе, но мне очень нравится, когда и студент, и премьер-министр не имеют никаких привилегий во время дискуссий.

У нас очень строгий регламент должен быть, и мы это тоже должны перенять. В России это не получается никогда, потому что люди все уважаемые, модераторы – трусливые, боятся перебить и все такое прочее.

На этот раз такого не должно быть.

Я предлагаю каждому из ораторов сначала выступить по 8 минут ровно. Причем это 8 минут, которые должны длиться не больше 8 минут! Через 7 минут я буду строго говорить о том, что каждому спикеру осталась одна минута. А потом останется время – мы подискутируем.

Я хотел бы предоставить слово неожиданно здесь, поскольку мы находимся в стенах Московского государственного университета. У нас есть профессор экономического факультета, а именно **Александр Владимирович Бузгалин**. (*Краткие аплодисменты*). Он, в сущности, человек, который очень сильно работал в Организационном комитете, практически занимался вопросами и программой, и **техники(?)**. Я думаю, будет правильно, если мы его наградим – дадим ему первое слово.

Прошу вас, Александр Владимирович. Начинайте.

(*Аплодисменты*).

Александр Владимирович Бузгалин, профессор Московского государственного университета имени Ломоносова:

– Дорогие друзья! Я очень рад приветствовать все. Тех, кто сидит, тех, кто стоит, тех, кто прилетел. У нас удивительная атмосфера сегодня.

Мы встретились для того, чтобы сказать, что экономика может работать на человека. До этого человек всегда был, в лучшем случае, эгоистом, который знает, что ради денег можно идти на все.

Заклучая брак, он считает: каков будет экономический эффект. Ухаживая за родителями, он думает: оставят они ему наследство или нет. Когда он думает о своем будущем, он считает его в долларах или рублях.

Это не шутка. Это нобелевские лауреаты, которые пишут про человеческий капитал. Я считаю, мы должны идти другим путем.

(*Демонстрация слайда*).

Я хотел бы начать с того, что была прелюдия Форума (прелюдия в Москве и прелюдия в Париже). В Москве был **Первый политэкономический конгресс**.

(Демонстрация слайда).

Это было удивительное мероприятие, где, на самом деле, в такой дождливой московской атмосфере встретились люди, которые говорили примерно о тех же задачах, но на теоретическом языке. Это было откровенно недостаточно, должны были идти вперед.

Мы пошли вперед, причем неожиданно пошли вперед – мы пошли в Сорбонну.

(Демонстрация слайда).

Сорбонна – это 800 человек. Вот такие залы переполненные. Несколько международных ассоциаций говорили о том, что экономика должна быть другой. Говорили с позиции опять-таки теории. Но этого было опять-таки недостаточно.

Сегодня нам нужен поиск альтернатив, где практика, гражданское общество и мы с вами будем вместе. Иначе мы не выйдем из того кризиса, в котором находится мир – это кризис стагнации, кризис идеологии, кризис экономической политики. И мы никогда в моей стране, в нашей с вами стране, не выйдем за уровень 1991-го года, который 20 с лишним лет назад объявили кризисным, и который мы до сих пор никак не можем превзойти по валовому продукту.

(Демонстрация слайда).

Посмотрите на эту маленькую картинку. Наверху – страны, которые не следуют Вашингтонскому консенсусу. Это страны, которые выбрали альтернативу.

В них есть серьезное селективное регулирование экономики. В них есть социальные приоритеты. В них гражданское общество активно участвует в этой жизни. Там большие проблемы – но это другие проблемы, чем у нас с вами.

Это не только маленькая Финляндия – это большая Бразилия. У нас здесь представлены и Китай, и другие страны мира.

Что такое рыночный фундаментализм сегодня? Это, на самом деле, экспансия мира симулякров, «понарошечных» вещей.

Я не знаю, вот вы сейчас сидите в зале, вы хотите спросить меня, какой лейбл у меня на пиджаке? Я студентам всегда говорю: «Вы как оцениваете человека? По тому, что у него на подкладке платья, или по тому, каков он?».

Сегодняшний рынок – это не только фундаментализм товаров и денег. Это фундаментализм симулякров. Это, на самом деле, проблема, которая имеет методологические и социальные посылы.

Социальные, прежде всего, потому, что этот якобы свободный рынок очень выгоден тем, кто им манипулирует. А им манипулируют крупнейшие корпоративные структуры, сращенные с государством.

Россия здесь – карикатура на них, но эта карикатура, к сожалению, показывает реальные проблемы. Везде сформировалась государственно-корпоративная номенклатура, являющаяся, по-моему, едва ли не худшим явлением, чем номенклатура Советского Союза.

Очень важно, чтобы мы шли, наконец, против мифов рыночного фундаментализма.

Нам все время говорят, что экономика свободы – это только тогда, когда есть частная собственность. Но частная собственность – это, помимо всего прочего, кандалы, которые надевает на человека власть, капитал. Он становится функцией этого капитала, он не свободен.

Нам нужна свобода созидать новые правила игры, свобода новой экономики. Нам нужна экономика солидарности. Я не боюсь этого слова.

Когда мы говорим со студентами в аудитории – мы говорим на языке солидарности. У нас идет одно соревнование: кто талантливее и больше подарит знаний другому.

Мы здесь встретились для того, чтобы жить в экономике солидарности. Что-то я подарю вам. Вы – огромное талантливое море инициатив, споров – подарите не только нам всем, кто здесь на Форуме, но и тем, кто будет нас слушать, видеть и читать после этого.

Это экономика справедливости, где не равенство в нищете предлагается, а (извините, я скажу жестко) высокое налогообложение тех, кто паразитирует на нас с вами.

Это ситуация, когда талантливый человек, работая, получает достойные деньги, но для которого деньги (я говорю с «левых» позиций) – это средство интересно жить и интересно работать, любить, дружить, созидать. А не наоборот.

Для этого существуют экономические механизмы, и они будут представлены в том числе моим соавтором по докладу **Андреем Ивановичем Колгановым** сегодня в пунктах конкретной программы (8 минут – это другой жанр).

Наконец, это экономика развития. Если мы посмотрим просто на рост валового продукта, мы получим, на самом деле, очень деформированную картинку. Россия 2000-х (до кризиса) – рост валового продукта.

Но если мы вычтем оттуда проедание природных ресурсов и загрязнение среды, получим спад. Если мы посмотрим на динамику индекса человеческого развития – это топтание на одном и том же 50 – 55 – 60-м месте. Это экономика стагнации.

Поэтому эта экономика СССР, новая экономика СССР – это наше с вами будущее.

В этом будущем мы будем идти не только по пути свободы «от», но и по пути социального освобождения. Это экономика, в которой мы поймем, что симулякрам и тоталитарному рынку мы можем противопоставить селективное регулирование и коридоры, в которых живет рыночная конкуренция.

Промышленная политика – это не просто большое государство, сильное государство, много государств.

(Модератор напоминает о регламенте).

Третья альтернатива. Нам нужен новый социальный консенсус, который выступит альтернативой тому, что сегодня сформировано в мире. Этот консенсус предлагается на всемирных европейских социальных форумах. Если хотите, это бразильско-скандинавская модель для всего мира. Наконец, нам нужна действительная альтернатива, работающая на человеческие качества.

Александр Бугалин *(продолжает)*: Которые противопоставят здравоохранение, рекреацию общества, образование и культуру финансовым пузырям, предметам роскоши, перепотреблению и сбрендившей экономике.

Это реальная проблема.

Половина современной экономики развитых стран – это бесполезный сектор. В России он тоже, к сожалению, очень велик.

Мы находимся перед рассветом, друзья. Сегодня у нас – весна. Весна серая, со снегом, лужами, грязью, но это весна. Я уверен, что эта весна придет в будущем, и залогом этому те книги, которые показываю в конце.

(Демонстрация слайда).

Спасибо.

(Аплодисменты).

Руслан Гринберг: Уважаемые коллеги. Я хотел бы сейчас представить человека, который не нуждается в представлении. Едва ли не самый авторитетный социолог нашего времени **профессор Иммануил**

Валлерстайн. Я бы хотел ему задать вопрос (может быть, неожиданный): все-таки видит ли о какие-то контуры новой модели жизни. Не обязательно только экономики. Видите ли вы что-нибудь впереди? Как у нас поэт говорил, «видите ли вы то, что временем закрыто». Прошу вас.

Иммануил Валлерстайн, профессор Йельского университета:

(Речь на английском языке, 01:20 – 08:20).

Wallerstein: I shall answer you in the course of my remarks. Let me say that given the fact that I have so little time, I'm going to say a lot of controversial things without giving you a justification from my attribute. I will start by giving you two references where you can find my views with greater detail. I wrote an article that was published in 2010 in new review March-April - it was called "Structure of prices". And that was three years ago. And I have just written an article which has the title "Structural crisis or why capitalists no longer find capitalism rewarding". And it will appear in a book that Maxwell university press is bringing out at the end of this year with 5 scholars debating the issue "Does capitalism have future?" So you can read my views in greater detail and justification.

In the time that I have, I want to make 5 points, and I make them strongly. First of all, I believe we are in a full-scale depression and it is worldwide. And all countries, without exception, are falling inward in a general attitude of so-kipé - it's French for everybody for himself. That's the first point I wanna make.

The second point is the rise and fall of stocks and bonds, and their shifting exchange rates etc. is irrelevant as a measure of what's going on in the world. The only true measure, true measures is first of all, worldwide unemployment which is high, going up and is much higher than the official figures for all sorts of reason we try to unwrap.

And secondly, as a consequence, effective demand is going down, down, down - and it is the most serious problem for capitalists today.

My third point is that capitalism has a historical system is in structural prices. It can not survive not only because of the opposition that comes from below, that is constant and has been there for a long time and has gotten worse, but because from the top the capitalists no longer find capitalism as profitable or even profitable to them in the long run - from production.

Four – the structural crisis started circa in 1970, not in 2008 and will last probably another 20-40 years. It is a long process of transition. Meanwhile, in that long period there are wild fluctuations and ever wilder, ever increasing short-term uncertainties, which means that we are moving far-far from equilibrium. And as a result of that there is what the scientists of complexity call bifurcations. There is a

bifurcation in which the world system as a whole is faced with two alternative ways of resolving this chaotic situation. One of them, one of two alternative ways is some non-capitalist system, that however replicates, maybe reinforces the worst features of capitalism as a historical systems which is high-rocking, exploitation and polarization. That is one possible alternative. The second possible alternative is a relatively democratic, relatively egalitarian system which I must underline has never existed anywhere in the history of the world, but which is possible. And what one can say in a situation of bifurcation and chaos it is intrinsically impossible to predict the outcome. We do not know today and no one knows and no one can know which of the two options will be collectively in rotation marks, collectively by the world chosen. But on the other hand, it is true that we have a rate to custody, to affect the outcome. Because the system will tell in one direction or the other as a result of the infinity of mental actions and the infinity of other moments, by an infinity of non-elections – we are all those non-electors. And therefore, what we do and how we act in the next 10-20-30 years will affect the possible outcome of the system.

Let's, so basically my message is: we are in a big-big mess, it's not under our control decide, there are no short-term solutions. And there are no way we may minimize the damage by various measures, such as those written by my friend Jess Stoppard. But we may minimize the damage interim, but we can not transform the system, we can not reform the system in some significant way. It is on its way out and everything that's occurring now is making it worse, indeed.

And perhaps I'm making my last point – the very existence of the BRIC powers and the seeming momentary successes of the economic front is actually reinforcing the negative element for capitalist as a group worldwide. Because it is spreading the existing circle value into smaller and smaller pieces and therefore effecting the possibility of genuinely accumulating capital which is the whole objective of this system.

Thank you!

Перевод

Валлерстайн: Я отвечу вам в ходе своего выступления. Учитывая тот факт, что у меня мало времени, я буду говорить о многих спорных вещах без приведения доказательств. Начну с того, что укажу вам две ссылки, по которым можно более подробно ознакомиться с моими взглядами. Я написал статью, опубликованную в 2010 году в новом журнале за март-апрель. Она называется «Структура цен». Это было три года назад. И я только что написал статью, которая называется «Структурный кризис или почему капиталисты больше не считают капитализм полезным». Она появится в книге, которую Максвелл Университи Пресс собираются выпустить в конце этого года. В ней 5 ученых обсуждают вопрос «Есть ли будущее у капитализма?» Таким образом, вы сможете более подробно узнать о моих взглядах и их доказательствах.

В предоставленное мне время я бы хотел остановиться на 5 пунктах. Прежде всего, я считаю, что мы находимся в полномасштабной депрессии, наблюдающейся во всем мире. И все страны без исключения падают в so-ki-ré - это по-французски для всех, для себя. Это первое, что я хочу сообщить.

Второй пункт заключается в том, что подъем и падение акций и облигаций, изменение валютных курсов и т.п., не являются мерой того, что происходит в мире. Единственной и истинной мерой является, в первую очередь, высокий уровень безработицы во всем мире, который намного выше, чем представленный в официальных данных.

И, во-вторых, как следствие, покупательный спрос падает все больше и больше - и это самая серьезная проблема для капиталистов сегодня.

Мой третий пункт заключается в том, что капитализм имеет историческую систему, связанную с ценовой структурой. Он не может выжить не только из-за идущей снизу оппозиции, которая всегда существовала и существует и которая ухудшилась, а потому что верхушка капиталистов больше не находит капитализм выгодным или даже выгодным для себя в долгосрочной перспективе - от производства.

В-четвертых, структурный кризис начался примерно в 1970 году, а не в 2008 году и продлится, вероятно, еще лет 20-40. Это долгий процесс перехода. Однако, в этот долгий период происходят трудно управляемые колебания, которые становятся всё менее управляемыми, в результате возрастает краткосрочная неопределенность, а это значит, что мы уходим всё дальше и дальше от равновесия. И в результате этого мы имеем то, что ученые называют бифуркацией. Существует бифуркация, при которой мировая система в целом сталкивается с двумя альтернативными способами решения данной хаотической ситуации. Одним из них, одним из двух альтернативных способов, является некоторая некапиталистическая система, которая, однако, повторяет, возможно, усиливает худшие стороны капитализма как исторической системы - сильные колебания, эксплуатацию и поляризацию. Это одна из возможных альтернатив. Второй возможной альтернативой является относительно демократичная, относительно эгалитарная система, которой, и я должен это подчеркнуть, никогда за всю историю не существовало нигде в мире, но которая возможна. А что можно сказать в ситуации бифуркации и хаоса - по сути, результат предсказать невозможно. Мы не знаем сегодня, и никто не знает, и никто не может знать, какой из двух вариантов будет поочередно выделяться, всемирно выбираться. Но, с другой стороны, у нас есть возможность контролировать и влиять на исход. В результате бесконечной умственной деятельности и бесконечного множества прочих моментов, в результате бесконечных невыборов - а мы все неизбиратели -, система подскажет то или иное направление. И потому то, что мы будем делать и как мы будем действовать в ближайшие 10-20-30 лет будет влиять на возможный исход системы.

Итак, суть моего тезиса заключается в следующем: мы находимся в состоянии колоссального беспорядка, не в наших силах решить данную проблему, нет никаких краткосрочных решений. И нет никакого способа

минимизации ущерба путем принятия различных мер, описанных, например, моим другом Джессом Стоппардом. Но мы можем минимизировать временный ущерб, мы не можем преобразовать систему, мы не можем существенным образом реформировать систему. Она на своем пути, и все, что происходит сейчас, лишь делает ее хуже.

Последний момент, который я хотел бы подчеркнуть - само существование БРИК и кажущийся мгновенный успех на экономическом фронте в действительности лишь усиливает отрицательные черты капиталистов как всемирной группы. Поскольку происходит рассеивание потенциала на все более мелкие части, следовательно, становится невозможным накопление капитала, что является общей целью данной системы. Спасибо!

(Аплодисменты).

Руслан Гринберг: Большое спасибо, профессор. Это удивительный пример правильного соблюдения нашего расписания. Я сейчас хочу передать слово профессору **Дмитриевой Оксане**, и хочу подчеркнуть, что Оксана Дмитриева едва ли не самый симпатичный и умный член Государственной Думы нашей сегодня. Она является заместителем председателя фракции «Справедливая Россия». Собственно говоря, для нас очень важно здесь, мы собрались, чтобы опять найти нарушенный баланс между свободой и справедливостью. Я с удовольствием предоставляю ей слово. Время пошло, Оксана.

Оксана Генриховна Дмитриева, *первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Российской Федерации по бюджету и налогам:*

– Уважаемые! Я хочу, прежде всего, поблагодарить организаторов этого Форума. Считаю, что они проделали титаническую работу. Это первый Форум такого плана, который я могу вспомнить за последние 20 лет.

Теперь что касается сути вопроса.

Пока великие мировые умы экономической и социальной науки спорят по поводу преимуществ «рыночной модели» либо «социальной модели», в России построена совершенно иная экономика. Третья модель, как я ее называю – это «экономика афер», которая состоит из многочисленных «пылесосов» и финансовых кругооборотов, в результате которых средства выкачиваются из страны либо обращаются в пределах этих кругооборотов и уходят на неэкономические, несоциальные цели.

С 2000-го по 2008-й год мы столкнулись в нашей стране со сверхблагоприятной экономической конъюнктурой, рост цен был более чем в 10 раз, и профицитный бюджет мы имеем с 2000-го года (за исключением 2009-го и 2010-го годов).

- Какие основные характеристики профицитного бюджета.

Профицитный бюджет умудряется объединять все недостатки либеральной модели и все недостатки социальной модели. У либеральной модели относительно низкие социальные расходы, а также низкие государственные инвестиционные расходы. Это мы имеем по отношению к нашим финансовым возможностям. А также у нас есть все недостатки социальной модели, поскольку у нас относительно высокие налоги.

Еще раз повторяю, это специфика профицитного бюджета.

- Какие негативные следствия хронического профицита.

Это искусственный тормоз экономического роста, деградация социальной и производственной инфраструктуры и деградация отраслевой структуры, о которой тут уже говорилось.

- Какие следствия и цели профицитного бюджета.

Это было сокращение госдолга. Действительно, за 8 лет он сократился на 60 миллиардов долларов. А также подавление монетарной инфляции. Однако те следствия (результаты), которые названы как позитивные, они были нейтрализованы в пределах этих же 8-ми лет. Внешний государственный долг на 60 миллиардов сократился – а внешний частный долг на 350 миллиардов долларов увеличился. Инфляция, с которой боролись как с монетарной, на самом деле оказалась инфляцией сдержек. Поэтому борьба с монетарной инфляцией ничего не дала и дать не могла.

- Кризис. Уроки кризиса.

В кризис было совершенно очевидно, что дефицит покрывался чистой эмиссией, отнюдь не реализацией фактической средств стабфонда – они просто переписывались со счета Правительства на счет Центрального Банка.

Но мало этой политики профицита бюджета.

Оксана Дмитриева (продолжает): С 2011-го года началась политика вообще не знающая, наверное, истории в мировой практике (это первый случай) – *построение профицитно-дефицитного бюджета.*

На фоне профицита, избытка средств и пополнения Резервного фонда одновременно осуществляются заимствования.

И вот мы видим: за два года рост госдолга на 2 триллиона и одновременно рост резервного фонда тоже на 2 триллиона рублей. Все это нам стоит (в этой аудитории это как раз уместно сказать) – разница между доходами от размещения Резервного фонда и Фонда национального благосостояния и расходами на обслуживание долга как раз составляют совокупные расходы на всю гражданскую науку.

00:50

Собственно говоря, тема моей сегодняшней информации: какие кругообороты и аферы возникают.

- Большой кругооборот денежных средств.

«Пылесос» в виде налогов, которые поступают в бюджет. Бюджет за счет профицита отправляет средства в Резервный фонд. Они вкладываются в мировую экономику под **0,74%** годовых. Одновременно с финансового рынка в бюджет поступают займы под **7 – 8%** годовых.

Вот такой кругооборот денежных средств.

- Малый кругооборот денежных средств.

(Неразборчиво, 01:30) только внутренний финансовый рынок. Налоговый «пылесос» идет в бюджет. Пробюджетный профицит, помимо Резервного фонда, в больших количествах (это порядка триллиона рублей) поступает на депозиты в коммерческие банки. Одновременно коммерческие банки дают займы федеральному бюджету.

- Пенсионный кругооборот.

Пенсионный «пылесос» в виде соцвзносов. Деньги поступают в Пенсионный фонд. Пенсионный фонд в виде накопительной части социальных взносов отправляет их во «Внешэкономбанк». «Внешэкономбанк» отдает федеральному бюджету в виде займов по ОФЗ под **7 – 8%**. А федеральный бюджет покрывает дефицит Пенсионного фонда, который вызван, в том числе, и этим оттоком.

02:19

- Приватизационный кругооборот.

Осуществляется приватизация стратегических предприятий инфраструктуры – средства поступают в бюджет. Одновременно бюджет в больших объемах осуществляет взносы в уставный капитал Открытых акционерных обществ. Больше половины инвестиционных средств из федерального бюджета – это

средства-взносы в уставный капитал Акционерных обществ, в том числе и недавно акционированных.

· Налоговый кругооборот.

Сырьевые компании (поскольку они составляют 90% экспорта) имеют возмещение по экспортному НДС, при этом имеют дополнительное изъятие в виде экспортных пошлин и НДСП.

Поэтому, уважаемые коллеги, уважаемые представители мировой научной экономической мысли, у нас редкий случай, что мы можем одновременно двигаться и по направлению *социальной модели*, и по направлению *рыночной модели*.

Нам нужно только убрать «пылесосы», спрямить все эти бессмысленные кругообороты средств. Это нам позволит одновременно снизить налоги, сократить заимствования, увеличить бюджетные расходы и инвестиции в социальную сферу.

Спасибо за внимание.

(Аплодисменты).

Руслан Гринберг: Уважаемая Оксана Генриховна! Спасибо вам за столь информативное (и, в общем, короткое) сообщение: модератору не приходится напрягаться. Я должен сказать, что мы еще обсудим ваши интересные выкладки здесь.

Но сейчас я хотел бы предоставить слово **Владимиру Ивановичу Якунину**, человеку, который тоже не нуждается в представлении. Но я все-таки одну вещь хотел бы сказать, которая очень важна и для меня, и для моих коллег.

Дело в том, что помимо его основной деятельности, Владимир Иванович является автором удивительного бренда, который уже долго живет (по моему, больше 10-ти лет) – это «**Диалог цивилизаций**».

Я активно участвую там (надеюсь, не наношу особого вреда). Я просто хочу подчеркнуть, что это площадка удивительная, на которой собираются поистине люди разных народов, с разными мировоззрениями. Они действительно занимаются, в моем представлении, самой важной вещью в нашем глобальном мире: они вырабатывают *набор минимальных этических ценностей*, которые только и позволят выжить нам всем.

Мы живем, действительно, в «одной большой деревне». Там есть и исламисты разные и христиане, и иудеи, и атеисты. Это просто

удивительный бренд. Я за это ему очень благодарен. Но сейчас не до этого – хочу предоставить ему слово. Пожалуйста.

Владимир Иванович Якунин, президент ОАО «Российские железные дороги»:

– Спасибо, Руслан Семенович. Уважаемые участники Форума. Я бы хотел начать с двух дополнительных замечаний к тому, что сказал Руслан Семенович.

Я хочу сказать, что на подиуме сформировалась доминирующая группа. Если отталкиваться от Мирового общественного форума «**Диалог цивилизаций**», то тут сидят четыре представителя Мирового общественного форума «**Диалог цивилизаций**».

Это, прежде всего, сопредседатель Мирового общественного форума профессор Brown University **Альфред Гузенбауэр**. Он не только работал в практической политики, но теперь учит политиков, как, вообще говоря, делать не надо. Здесь присутствует **профессор Валленштейн**, и его блестящее эссе, которое он сейчас представил. Если вы зайдете на сайт Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» десятилетней давности, вы увидите, что выводы о грядущем неизбежном кризисе глобальной экономики содержались именно тогда в первых наших резолюциях по Форуму. Ну и, конечно, сам Руслан Семенович, который, по сути дела, являлся драйвером экономического сектора Мирового общественного форума.

Так что, определенное доминирование присутствует.

Начиная именно с этого, я хотел бы сказать, что когда мы говорим о различных теориях, о различных форматах обсуждения этих теорий, довольно широким местом стало заявление, что «все предыдущее – это тоталитаризм, нетерпимость, а вот теперь наступила эра свободы и конструктивизма». Это не так.

Потому что в сфере интеллектуальной дискуссии, да, плюрализм и воспитанность проявляются в том, что не бьют по лицу, но бьют беспощадно, потому что борются за доступ к тем же самым источникам, которые используются для пропаганды и продвижения тех или иных теорий.

Мы всё это наблюдаем.

(Демонстрация слайда).

На этом слайде показана динамика, прогноз по предыдущему году по росту ВВП. Вы знаете, что у нас затормозился рост ВВП. Поскольку я, помимо

того, что имею честь быть профессором кафедры государственной политики на Факультете политологии Университета, занимаюсь практической деятельностью, то для нас это является абсолютно очевидной вещью. Мы еще в конце прошлого года написали соответствующее обращение в Правительство, подчеркивая, что констатируем по объему перевозок падение экономического роста в нашей стране.

Не лучше выглядит, вообще говоря, и наш рейтинг глобальный конкурентоспособности по известному отчету.

К сожалению, **67-е место** нас радовать никак не может, и едва ли это может соотноситься с радужными декларациями, которые произносят подчас. Прежде всего, это относится к сфере финансов.

Поскольку **Оксана Генриховна** об этом много сказала, повторяться не буду, но я не встречал ни одного практического экономиста, ни одного деятеля из области практической экономики, который бы не ругал свое министерство финансов. В этом отношении я солидарен с **Оксаной Генриховной** и не являюсь чем-то совершенно отдельным.

Далее.

То, что касается оценок конкурентоспособности и наших перспектив. Безусловно, здесь есть неплохие предпосылки. Россия богатая страна. Богата человеческим капиталом. Хотя «человеческий капитал» как-то не очень произносится – но это общепринятый термин, и я его произношу. Богата своими ресурсами.

Безусловно, когда говорится о необходимости диверсификации нашей экономики, надо понимать, что еще очень долго одним из основных элементов дохода поступления в бюджет будут те самые природные богатства, которые добываются и продаются.

Кстати, Австралия живет такой же парадигмой – и живет очень неплохо. Так что и мы могли бы жить лучше.

Безусловно, мы констатировали во время наших форумов «**Диалог цивилизаций**» процесс перехода, шифтинга и политической мощи, и экономической мощи в другие центры.

Если вначале говорили о возникновении многополярного мира, то потом стали говорить о том, что мир все-таки концентрируется. Сегодня одним из направлений этой концентрации являются страны BRICS (а в ближайшее время это будет BRICSE(?), как вы знаете).

С этой точки зрения, предположение о том, что нынешние держатели контрольного пакета глобальной финансовой системы будут просто сидеть на завалинке и ждать, когда они станут второстепенной, третьестепенной экономической державой, по меньшей мере, иллюзия.

Не будут и, честно говоря, предпринимают серьезные усилия, чтобы этого не произошло.

Одно то, что аудит выявил эмиссию 16 триллионов долларов во время проверки Федеральной резервной системы США (ни с кем не согласованный), дает ответ на вопрос о том, *как собираются управлять глобальными финансово-экономическими процессами.*

В этом смысле абсолютно солидарен с **Оксаной Генриховной** относительно того, что происходит у нас в сфере финансового управления.

Мы как компания лучшим образом размещаем свои облигации на зарубежных рынках, лучше, чем любая частная компания или любая другая государственная компания.

Мы занимаем там под такие проценты... Например, в деноминированных швейцарских франках бумаги мы разместили на 5 лет под **2,17%**. Ни одна другая компания этого не достигает. Но у нас в стране мы можем взять деньги не дешевле, чем **8%**, и то потому, что мы главный заемщик.

Это абсолютно ненормально, и когда разразился кризис, корпоративный долг превышал 500 миллиардов долларов в то время, как аналогичная сумма находилась на счетах в западных банках.

Полагаю, что сегодня путем стимулирования экономики является безусловное развитие инфраструктурных проектов – что мы, собственно говоря, и делаем, и доказываем нашему Правительству.

Я рад, что принято решение о том, что 100 миллиардов пенсионных средств будут все-таки направлены на реализацию инфраструктурных проектов.

Я точно так же рад, что есть указания необходимости развития Дальнего Востока, БАМа, Транссиба. Потому что без инфраструктуры невозможно говорить о развитии экономики. Не экономика развивает инфраструктуру, а инфраструктура развивает и позволяет развиваться экономике.

В целом мне чрезвычайно приятно и важно, что в стенах Университета происходит такая глобальная, на мой взгляд, конференция.

Когда консалидированное мнение относительно того, что является действительностью, а что является вымыслом с точки зрения многообразных

парадигм, которые существовали в последнее время в мире (и прежде всего, парадигм неолиберального развития), получает достойный ответ от тех, кто реально ест, пьет, работает – и это не проценты на финансовые вклады.

Спасибо за внимание.

(Аплодисменты).

Руслан Гринберг: Спасибо, Владимир Иванович. Я думаю, у нас еще останется время для дискуссии. Может быть, мы как-то даже и поспорим по каким-то пунктам.

Сейчас я хотел бы предоставить слово в совсем недавнем прошлом канцлеру Австрии **Альфреду Гузенбауэру**, о котором сегодня уже говорили. Надо сказать, что это один из лидеров современной социал-демократии, вице-президент Социалистического интернационала. Для меня большая честь, что он согласился здесь выступить. Мы давно знакомы.

Надо сказать, что в мире пришло время (в моем представлении) для левого поворота, что бы ни говорилось. Дело в том, что Барак Обама, и Олланд, и, я надеюсь, в этом году в Германии состоятся выборы, которые подтвердят эту идею (а может быть, и нет, конечно)... Но я знаю, что при **Альфреде Гузенбауэре** **GDP Capital (01:35)** превысил германский опыт, германскую историю. Это, я думаю, большой успех (в том числе и канцлера, как всегда бывает). Прошу вас, Альфред.

Альфред Гузенбауэр, *федеральный канцлер Австрии в 2007 – 2008-м годах, (Речь на английском языке, 01:57 – 10:00).*

Cheers, the moderator is Ruslan Grinberg, director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.

Grinberg: I would like to give the floor to a person who was only recently was the chancellor of Austria Alfred Gusenbauer, whose name I have already mentioned today. I would like to say that he's one of the leaders of the world's social democracy, vice-president of the social and national. For me it is a great honor that he consented to be in our meeting today. We have known each other for quite a long time. And I would like to emphasize that these days we see, I believe who effect that during for the left politically and economically – Barack Obama and Orlan. And I believe that Germany will also see elections, this year we should confirm this suggestion. But I know that Alfred Gusenbauer, the GDP per capita in Austria exceeded, and Austria exceeded Germany in GDP. And it was a great success, of course, by the chancellor, of course. You have the floor.

Gusenbauer: Thank you very much. It's a great pleasure to share this presidium with such prestigious thinkers and practitioners of business and economy, like my friend Vladimir Yakunin. And as I only have a limited time, please, allow me to be very, let's say, focused on some of the issues, that I think are important. First of all...

Grinberg: You can make this second intervention after the old. Fantastic! That's...

Gusenberger: That's very generous! I'm sorry – generous. First of all, why does this capitalism not work anymore? Classic capitalism was based on the externalization of costs from the Northern hemisphere to the Southern hemisphere. And as soon as we switched into an economy

of globalization, this externalization of costs does not work anymore. And the remarkable ideological tragedy that is happening right now is that we all know that this recipe does not work anymore, and the prescriptions that are delivered to the economies and to the countries around the world are that we all should do the same. And what are these prescriptions that are now offered to countries – we all should produce current account surpluses which is the general recipe in order to help your economy to come out of the crises.

I think this is a very interesting proposal, because it leads the economic debate to, it transforms the economic debate to a mythological debate. Because the fundamental suggestion behind the proposal that we all should produce, current account surpluses must be that there is life in economy behind the globe. So that there should exist the possibility that we are going to export to the Moon or to the Mars or another planet. Which I think is rather interesting that the protagonists of this near-liberal model do not understand what is the consequence of their proposal. The consequence is their proposal only works if there is life behind our planet, which at least until now is not proved yet.

The second thing is I do not believe in the ultimate truth. And I do not believe that anybody has found a solution to all our problems. This is why I'm strongly in favor of heresy I'm strongly in favor of the social experiment that people, countries and economies around the world have to try to do their best in order to achieve goals that are valued by their society. And what are such goals? Such goals are of course full employment. Such goals are certain social justice in your society. Such goals are equal opportunities for everybody in the society and there are many more. And there is no formula that is valid for all the countries in the world. But I think history help us that there have been more and less successful political projects.

And I'm not here today as the chief propagandist of social democracy. But let's face it, if you look, for instance, to those parts of the world that have the longest social democrat practice of government which are the Scandinavian countries, you will recognize that following some of these criteria, they are the most successful countries on Earth what concerns the level of employment, what concerns the level of social justice, what concerns the level of education and health care. And what also concerns the readiness of people to engage in a society and to produce social solidarity.

There is of course the downside that I do not want to neglect. There is always the danger that the social democrat wealth state is becoming too paternalistic. There is always the danger of the bureaucratization. There is always of the danger of the inside and outside phenomena. So there are a lot of the downsides too. But if we are looking at the history of the 20th century at least due to my understanding and not only to mine – no social experiment has been more successful than that.

And I want to go back to my friend Led Ta Mojad who said that in the history civilization in his understanding nothing more successful than the social democrat wealth state has been established which does not mean that this can be taken as a formula all around the world. But the same ideas that have taken root in the Scandinavian countries and some other parts of Europe and has taken route in Brazil and in other places around the world where the concrete practice of social transformation of course takes a different feature. But the leading idea behind is to transform the capitalist-dominated market economy into a socially-dominated or co-dominated market economy.

And let me make the final point on that. Over the decades social justice was an additional political goal, in addition to economic, effective, in addition to GDP growth, etc and etc. And that has changed. Nowadays social justice is fundamental pre-requisite for economic success. Because social justice only means that there will be additional demand that is more wide-spread and more socially distributed all around the world.

And I come back to what Te Mojad said: without demand that is coming from the people there is no rescue of the economy.

Перевод

Gusenbauer: Спасибо большое. Это большая честь участвовать в президиуме с такими авторитетными мыслителями и практиками бизнеса и экономики, как мой друг Владимир Якунин. И так как время моего выступления ограничено, пожалуйста, позвольте мне, скажем так, сфокусироваться на некоторых проблемах, которые я считаю важными. В первую очередь...

Grinberg: Вы можете выступить еще раз после всех.

Gusenberger: Превосходно! Это очень великодушно! В первую очередь, почему этот капитализм больше не работает? Классический капитализм базировался на переносе издержек с северного полушария в южное полушарие. И как только мы включились в экономику глобализации, этот перенос издержек больше не работает. И поразительная идеологическая трагедия, которая происходит сейчас, заключается в том, что все мы знаем, этот рецепт больше не работает, и предписания, данные экономикам и странам по всему миру, заключаются в том, что мы все должны делать одно и то же. И это те рекомендации, которые предложены странам - мы все должны производить избыток на текущем счете, что является основным рецептом, способным помочь вашей экономике выйти из кризиса.

Я думаю, что это очень интересное предложение, так как оно приводит экономические дебаты, переводит споры из области экономической в область методологии. Потому что фундаментальное предположение о необходимости положительного баланса на текущем счете должно заключаться в том, что есть жизнь в экономике за пределами планеты. Таким образом, должна быть вероятность того, что мы будем осуществлять экспорт на Луну, Марс или другую планету. Что, я думаю, крайне интересно, сторонники данной около-либеральной идеи не понимают, какие последствия могут быть у данного предложения. Их предложения работают только при условии наличия жизни за пределами нашей планеты, что пока не доказано.

Во-вторых, я не верю в истину в последней инстанции. И я не верю, что кто-либо нашел решение всех проблем. Именно поэтому я очень поддерживаю различные ереси, я очень поддерживаю социальные эксперименты людей, стран и экономик по всему миру, которые прилагают все силы для достижения задач, стоящих перед их обществом. В чем заключаются эти цели? Эти цели, конечно, полная занятость, определенная социальная справедливость в обществе, равные возможности для всех членов общества и многие другие. И не существует формулы, подходящей для всех стран в мире. Но я думаю, что история показывает, что были более и менее успешные политические проекты.

И я здесь сегодня не выступаю в качестве главного пропагандиста социал-демократии. Но давайте посмотрим правде в глаза. Посмотрим на те части света, которые имеют наиболее длительную историю социал-демократических правительств, например, Скандинавские страны, и мы увидим, что исходя из некоторых указанных критериев, они являются наиболее успешными странами на Земле. Это относится к уровню занятости, социальной справедливости, уровню образования и здравоохранению. И это так же относится к готовности людей участвовать в общественной жизни и производить социальную солидарность.

Конечно, есть и обратная сторона, что я не собираюсь отрицать. Всегда существует опасность, что социал-демократия станет слишком патерналистской. Всегда есть опасность бюрократизации, внешних и внутренних явлений. Таким образом, тоже есть много обратных сторон. Но если мы посмотрим на историю 20-го века, по крайней мере, в моем понимании, и не только в моем, - ни один другой социальный эксперимент не был так удачен как этот.

И я хочу вернуться к словам моего друга **Лейт Тони Джета**, который сказал, что в истории цивилизации, в его понимании, нет ничего более успешного, чем социал-демократические государства, что не означает, что это может использоваться как формула в других странах мира. Но те же идеи, которые пустили корни в Скандинавских странах, некоторых других

частях Европы, они так же нашли воплощение в Бразилии и других частях света, где конкретная практика социальной трансформации, без сомнения, имеет различные черты. Но ведущая мысль состоит в том, что необходимо трансформировать капиталистическую, рыночную экономику в социальную экономику и в социальную рыночную экономику.

И позвольте мне на этом закончить. Десятки лет социальная справедливость была дополнительной политической целью, в довесок к экономике, эффективности, росту ВВП и т.д. Ситуация изменилась. Сегодня социальная справедливость является фундаментальной предпосылкой экономического успеха. Потому что экономическая справедливость означает одно, появится дополнительный спрос, который более широко распространен и более социально рассредоточен по всему миру.

И я вернусь к тому, что сказал профессор Валенштайн: без спроса со стороны людей, нет спасения экономики.

(Аплодисменты).

Руслан Гринберг: У нас осталось еще два спикера. Я с удовольствием предоставляю слово **Гжегожу Колодко**, моему старому другу, замечательному экономисту, очень успешному политику. Я даже не знаю, что он скажет, все сказано **на свете!**

Гжегож Колодко – человек очень удивительный. Он всегда ясно видит баланс свободы, эффективности и справедливости. Я очень горжусь дружбой с ним.

Он держит в руках книгу, которую он издал в России, а я написал вступительную статью там – и можно читать только ее. *(Смех).* Это шутка. Давайте, рассказывайте.

Гжегож Колодко, *профессор Козминского университета, бывший заместитель премьер-министра и Министр финансов Польши (русский как иностранный):*

–Здравствуйте. Большое спасибо за приглашение.

1. В чем дело.
2. Что случилось.
3. Что продолжается.
4. Что будет.
5. Что можно сделать, чтобы будущее было лучше.

Пять пунктов.

Первый. Это самый большой кризис нашей жизни. Это не шутка. Он не закончился, он продолжается в Соединенных Штатах, он там другой, нежели в Японии. В другом виде он продолжается в Европейском союзе. 21-го марта он более серьезный, чем 10 дней назад. Я как экономист не понимаю, как можно было сделать такую большую ошибку, как сделали несколько дней тому назад лидеры Европейского союза в отношении такой маленькой страны как Кипр. Кризис продолжается также в других странах мира.

Откуда он пришел.

Это не основной (или генеральный) кризис капитализма, как 20 – 30 лет тому назад, который **(неразборчиво)** здесь в Москве тоже.

Это кризис неолиберального капитализма, который является какой-то вариацией на пути рыночных отношений. Неолиберализм – это такая система, которая...

Гжегож Колодко (*продолжает, русский как иностранный*): **(Неразборчиво, 00:00)**. Честный капитализм предпринимателей дает приоритет не всегда, не во всех странах, не для каждого времени, не до конца честного капитализма спекулянтов. Вот это – капитализм спекулянтов. Он сделал **неустойчивым** долг, и просто нет исхода из этого кризиса.

Второй пункт. Это кризис, который продолжается в пяти сферах. Он начался в финансовой сфере. Потом пришел в реальную экономику, где и продолжается. Производство (работа или безработица). Я считаю, что сейчас на сто миллионов безработных человек больше, чем шесть лет назад.

Кроме экономического роста, который в мировой экономике продолжается **(неразборчиво, 00:56)** ВВП.

Потом он пришел в социальную область.

Это исключение. Мы будем смотреть на «Оккупай Лондон», «Оккупай Уолл-стрит», «Оккупай Москва» или «...Варшава» или какая-то «арабская весна». А может быть, и какая-то «казахстанская весна» – почему нет. «Польская весна».

А потом он пришел в четвертую сферу – это политический кризис.

Пока нет решения экономического кризиса настолько долго, насколько долго нет решения политического кризиса.

Смотрите на Соединенные Штаты. Это не экономические проблемы. Там есть два Соединенных Штатов: консервативные республиканцы и прогрессивные демократы. И вообще нет какого-то «вашингтонского консенсуса». Как был, так **(неразборчиво, 01:52)**, а что касается прагматизма – так не хватает.

Пятая сфера кризиса – это идеологический кризис.

Это время хаоса, когда надо сказать снова (в России тоже самый основной вопрос): за что идет борьба, куда мы идем, в чем дело, о чем речь.

Эта экономика, эта **(неразборчиво, 02:19)**, эта экономическая активность предпринимателей, инвесторов с общественным.

Третий пункт. Так что можно сделать – и какое будущее?

Самая большая ошибка, которую можно сделать – (неразборчиво, 02:39). Продолжается борьба. «Давай наоборот!». Какой-то там Lehman Brothers(?), он уже (неразборчиво, 02:47). Республиканцы проиграли выборы в Соединенных Штатах один и второй раз. Какой-то Мейдофф – в тюрьме.

«Здесь поднимемся, немного туда и сюда – все будет как надо». Нет, не надо. Потому что будет еще большой кризис и будет самый большой социальный и политический конфликт.

Нет будущего для неолиберализма.

Это надо сказать в Москве, в Варшаве, Вашингтоне, на Кипре, в Брюсселе, в Пекине и в других городах. Но борьба продолжается, чтобы возродить неолиберализм. Потому что неолиберализм – это очень быстрый способ увеличения богатства (на счет?) меньшинства. Это работает в Соединенных Штатах, это работает в России, конечно, тоже.

Какая альтернатива? Государственный капитализм, как в Китае или как в России – а может, как в Саудовской Аравии или как в Венесуэле? Конечно, нет. Для него тоже нет будущего, потому что там тоже, наверное, надо сделать идеологический систематический обмен.

Так что – популизм? Но какой. Левый или правый? Тоже нет.

Думаю, что только одна позитивная альтернатива – это убежать вперед в смысле того, что я называю в моих книгах «новый прагматизм». Не неолиберализм, не государственный капитализм, но – новый прагматизм. Надо шагать вперед в рамках треугольника.

Один угол – это ценности. Надо обмениваться ценностями. Это не просто экономические дела и идеологические дела. Это культурные дела. Культура значит для экономического развития больше, чем процентная ставка, курс обмена валют.

Я только (неразборчиво, 04:50) четыре раза был министром финансов. Культура значит больше, чем проценты для экономического развития и социального роста.

Второй угол – это институты. Там и уже здесь(?). В России, нехорошие еще институты. Надо поддерживать институты. Но в Европейском союзе их тоже пока не хватает.

Третий угол – это политика. Так есть ценности: институты и политика.

Как мы войдем в этот новый прагматизм, которого надо достичь на основе социальной рыночной экономики. Потому что нет альтернативы для рыночной экономики – но есть альтернатива для неолиберализма и для государственного капитализма.

Что будет, если не успеем со строительством этого нового прагматизма.

Будет продолжаться анархизация жизни в разных странах и во всем мире. Она уже началась. Это время хаоса, и надо убежать вперед.

А как это надо сделать? Я написал в этих книгах. Я очень рад, что они есть на русском языке. **«Мир в движении»** и **«Глобализация, трансформации, кризис – что дальше?»** Благодаря издательству «Магистр», книги здесь. Кто хочет, чтобы я подписал – я с удовольствием сделаю. Приглашаю. Спасибо.

(Аплодисменты).

Руслан Гринберг: Гжегож Колодко не был бы поляком, если бы не рекламировал свой товар.

(Аплодисменты).

Гжегож Колодко: Это неправда. Я не рекламирую свои книги. Потому что здесь написано: «Гжегож Колодко. Глобализация, трансформация, кризис – что дальше?». А здесь: «Вводная глава. Руслан Гринберг».

(Смех, аплодисменты).

Руслан Гринберг: Но мы не договаривались! *(Смех).* Наш первый раунд завершает вице-президент Российской Академии Наук академик Некипелов. Тоже не нуждается в представлении. Дело в том, что Академия Наук сейчас находится, в общем-то, под прицелом. Как ни странно. В рамках нашей дискуссии (которую мы сегодня еще не начинали, но спикеры уже говорили на эту тему), я думаю, будет правильно, если я предоставлю ему слово. Может быть, он возразит предыдущим спикерам (потому что пока мы все единомышленники, может быть скучно) – или нет. Или потом будем спорить. Прошу вас. Восемь минут ваши пошли.

Александр Дмитриевич Некипелов, академик Российской Академии Наук:

– Спасибо большое. Уважаемые друзья! Все мы, конечно, очень хорошо понимаем, что ситуация, которая сложилась в мире, абсолютно неординарна. Она характеризуется тем, что, в общем-то, никто из нас не знает точно, что будет дальше. По-моему, сегодня в рамках нашей дискуссии мысль уже формулировалась.

Ведь произошла очень интересная вещь.

Развитие финансовой сферы было направлено, казалось бы, на максимально эффективное использование ресурсов. Главный упор делался на то, чтобы это использование ресурсов можно было обеспечить в очень комфортных условиях для инвесторов (давая в их распоряжение огромное количество финансовых инструментов, позволяющих им дозировать риски доходность). Но неожиданно это привело к прямо противоположному результату – глубочайшему кризису всей финансовой системы.

Выяснилось, что меры – инструменты, которые были направлены, казалось бы, на то, чтобы сделать развитие безопасным, направленные на борьбу с несистемными рисками, привели к глубочайшему системному кризису.

Конечно, в этих условиях очень большие претензии возникли и по отношению к экономической науке.

С моей точки зрения, нет прямой связи между этим кризисом и кризисом экономической науки. Мне кажется, экономическая наука вообще довольно давно находится в кризисе – если под кризисом понимать потерю единой целостной парадигмы этой науки.

В таком кризисе, вообще говоря, нет ничего страшного, потому что он свидетельствует о том, что на некотором этапе знание выходит за рамки прежней парадигмы.

Возникает некая более или менее хаотичная структура. И где-то идет поиск какой-то новой парадигмы, которая, учитывая все это, должна поднять на новый уровень.

Но это такие рассуждения самого общего плана.

Но что важно.

Как человек (если глядеть на зал), находящийся с самой правой стороны, я немножко займу более правую позицию.

Мне кажется, очень важно, чтобы мы, признавая существующий кризис (и в реальности, и в теории признавая всю глубину этого кризиса), на этой основе не попытались отбросить все то, что было наработано за несколько столетий в ходе развития экономической науки.

Нам просто надо немного изменить угол зрения.

Главное, от чего мы должны уйти (и коллеги уже упоминали об этом) – не надо искать сегодня какую-то идеальную модель, которая решит все вопросы.

Я полностью согласен с Гжегожем, действовать нужно прагматично.

Это означает, что мы должны отказаться от всяких претензий на догматизм.

А вот от этого очень трудно отказаться! Нужно понимать, что одно дело – закладывать в основу глубинного уровня экономических знаний представления об «экономическом человеке», а другое дело – считать, что человек действительно является экономическим, и что у него никаких других интересов, кроме собственного благосостояния, нет.

Модель «экономического человека» очень важна для того, чтобы объяснить многие вещи, которые реально происходят в жизни. Но она не достаточна для того, чтобы объяснить все, что происходит в жизни. Тем более она не достаточна для того, чтобы на ее основе принимать непосредственные практические решения.

Если обращаться к российской экономике, мне кажется, что и у нас очень многие подходы носят догматический характер. Хотя есть и существенные сдвиги в представлениях о развитии нашей экономики.

Примером такого сугубо догматического подхода в духе рыночного либерализма я считаю наши планы по приватизации.

Не потому что приватизация – это хорошо или плохо. А потому что **приватизацию проводят** исключительно из-за того, что она якобы автоматически создает эффективный климат в экономике, повышает конкурентоспособность экономики.

Нет ясности в отношении коммерческой эффективности тех или иных действий в этой области. Говорится лишь о том, что «мы будем продавать активы по рыночной стоимости». Но вообще, если подходить с коммерческой точки зрения, это, конечно, необходимое условие, но не достаточное.

Продают активы не потому, что *можно* их продать по коммерческой стоимости – а потому что это *выгодно* для того, кто их продает.

Второе.

Совершенно непонятным остается то, *на что* собираемся использовать деньги, которые рассчитываем получить от приватизации.

Вряд ли речь идет просто о том, чтобы затыкать дырки в бюджете. Да особо дыр нет. **Оксана Генриховна** абсолютно правильно говорила об этом.

Могут быть проекты достаточно крупные, на которые бюджетных средств не хватает – и в этом случае приватизация может быть вполне эффективной.

Могут быть механизмы, которые я условно называю «механизмами револьверных инвестиций».

Государство, допустим, создает некую инфраструктуру (у нас здесь, вы знаете, большие проблемы). Выведя ее на более или менее эффективно функционирующий уровень, продает ее для эксплуатации в частный сектор. Вырученные деньги использует для того, чтобы обеспечить дальнейшее развитие в этой области.

Но просто так проводить приватизацию ради приватизации, рискуя лишиться многих «куриц, которые несут золотые яйца» – это, по-моему, выглядит крайне странно.

Я в заключении хотел бы сказать одно.

Конечно, альтернативы рыночной экономики сегодня нет.

Конечно, рыночную экономику нужно гуманизировать – и это должно отвечать предпочтениям, которые есть в обществе.

Конечно – я еще раз подчеркиваю, что согласен здесь с Гжегожем – нужно быть очень прагматичным.

Спасибо.

(Аплодисменты).

Руслан Гринберг: Спасибо. У нас есть полчаса для дискуссии. Я на правах модератора хотел бы задать вопрос всем спикерам.

Есть сегодня такой ренессанс кейнсианства, ренессанс марксизма. Какие ваши представления (это я ко всем обращаюсь). Что можно было бы взять, обновить, в обновленном виде применять? Или все-таки нам нужно какие-то новые вещи искать.

- Может быть, этот гуманный капитализм 1950 – 1960-х годов вообще не повторим?
- Может, это просто была золотая эра капитализма – сейчас она закончилась?
- Может быть, надо думать о том, чтобы ограничивать все-таки рыночные механизмы?

Я точно так же, как академик Некипелов, считаю, что альтернативы рыночной организации экономики не может быть. Тем более 70-летний эксперимент показал, что «лекарство от дикого капитализма» хуже болезни оказалось.

По крайней мере, ваши представления. Буквально на две минуты каждый может что-то сказать. Кто бы хотел начать. Потом попросим зал спросить что-нибудь.

Александр Бузгалин: Руслан Семенович, позвольте.

Руслан Гринберг: Да, пожалуйста.

Александр Бузгалин: Поскольку я на «левом фланге». Марксизм-ленинизм.

Руслан Гринберг: Да, это не случайно. У нас два крайних нападающих: левый и правый. Центристский тоже есть.

Александр Бузгалин: Я начну с атаки на «правый фланг». На мой взгляд, прагматизм хорош только в очень ограниченных масштабах. Он хорош только тогда, когда есть стратегическая цель. А стратегическая цель должна быть романтической! (*Единичные аплодисменты*).

Во фразе «рыночной экономике сегодня альтернативы нет», на мой взгляд, акцент надо сделать на слове «сегодня».

Провал социал-демократического проекта 1960-х годов не был провалом. Это была проблема, это был вызов. Надо было идти дальше. Социал-демократия остановилась.

В выборе «куда идти – в инфляцию и долги или в неолиберализм» есть третий путь.

Можно и должно идти по пути изменения системы производства, можно и должно идти по пути системы более справедливого и более эффективного распределения.

С профессором **Колодко** я хотел бы согласиться в том, что, на самом деле, есть, безусловно, есть абсолютная необходимость приоритета культуры, образования, науки.

В этом случае оказывается, что человек в экономике и для экономической науки не должен быть человеком экономическим (опять-таки пасс академику **Некипелову**).

Извините, экономическая теория должна исходить из того, что человек не только максимизирует деньги. Она должна исходить из того, что человек максимизирует труд, свободное время, человеческое общение. Иначе мы не построим новую экономическую модель.

Последняя реплика, которая, на мой взгляд, важна.

Мы сюда приехали для диалога, и этот диалог будет продолжаться. Диалог с книгами – и вот в чем я соглашусь с профессором, Колодко, что книги надо покупать – и у авторов подписывать. Это шутка!

(Смех, аплодисменты).

Руслан Гринберг: Спасибо.

Гжегож Колодко (*русский как иностранный*): Не будет нового Кейнса, не будет нового Маркса. Это другой мир. Нас больше семи миллиардов человек – сейчас нас будет девять миллиардов.

Второй пункт. Процессы продолжают так, как продолжают, потому что многое продолжается в (**неразборчиво, 07:00**) времени. Это время глобализации, **социалистических** (**социальных?**) преобразований, великой миграции, четвертой индустриальной революции.

Третий пункт. Это время **гетеродоксии**. Нет места в будущем для какой-то экономической **ортодоксии** вообще. Это уже прошло. Только – исключительно **гетеродоксия**.

Что надо сказать еще? Мы живем во время, которое я называю в моих работах *пост-* или *после-ВВП-времени*. Потому нам надо *пост-ВВП* (*post-GDP*) экономических и социальных наук. Нельзя двигаться вперед в рамках ВВП. Потому что дело не только в ВВП. От того, какие мы используем меры – зависит то, куда мы и идем.

На польском языке это игра слов: (*речь на польском языке, 08:06 – 08:10*): «от того, какая мера, зависит, куда идешь». Когда есть только максимизация профитов в микроэкономическом искании, и когда есть только максимизация темпов роста ВВП на макроэкономическом уровне – так и делаем ошибки.

Культура – не считается. Окружающая среда – не считается.

Неравномерность распределения дохода – не считается. Олигархи – хорошо. Бедные люди – тоже хорошо.

Нет, это просто не успеют. Будет хаос!

Надо изменить точку зрения. Пост-ВВП экономика (или время) – поэтому нам нужны пост-ВВП экономические мысли, которые надо **разрешить на гетеродоксии**. Да, и там будет немного неокейнсианства, неоинституционализма, неомарксизма и других.

Руслан Гринберг: Понятно, Гжегож, понятно. Я думаю, что у нас новый тур дискуссии может быть. Дело в том, что это очень важная история.

Гжегож Колодко: Сделаем по вопросам нового прагматизма.

Руслан Гринберг: Измерения экономической жизни. Потому что GDP действительно находится под сильной атакой. Насколько мне известно, комиссия **Стиглица** там что-то они, или французы что-то хотели там поменять...

Думаю, что у нас сегодня после второй панельной дискуссии будут секции.

В этом зале будет секция, посвященная стратегии для России. Мы там будем обсуждать эти проблемы.

Я бы сейчас хотел сказать. Может, кто-то все-таки думает насчет того, что не обязательно мы в постмодерне живем, где «расцветают все цветы»... Я согласен, в принципе. Просто обладая немного здравым смыслом, думать, что кроме прагматизма ничего нет сейчас, лишь бы хуже не было – это и есть.

Вообще-то говоря, мы должны думать о какой-то более или менее приемлемой *единой философии новой экономической политики* или у каждого будет своя? Сейчас **Оксана Генриховна Дмитриева** скажет. Потом **Владимир Иванович Якунин** пару слов. Потом – остальные спикеры. Потом из зала – мы еще дойдем. Я вас прошу быть краткими.

Оксана Дмитриева: Спасибо. Я не знаю, как философия, но есть факты, которые хорошо доказываются – и на основе анализа практических фактов (реальных), и на основе просто расчетов.

По поводу Кейнса. Я не знаю, следует ли использовать советы Кейнса, но то, что анти-Кейнс должен быть убран – это точно. Все, что я говорила по профицитной экономике – это, фактически, использование кейнсианского мультипликатора вверх тормашками. Он выступает не как стимулятор экономического роста, а как дестимулятор экономического роста. Абсолютно проверенный на практике факт. Здесь получается дестимулятор роста – и не подавляет инфляцию.

Вот что по поводу Кейнса. Он, в общем, жив как доказательство того, что полностью обратный рецепт приводит к отрицательным результатам.

Что касается марксизма.

Мне представляется, что, конечно, марксова теория в оценке стоимости сейчас уже не может быть применена с учетом инновационного качества и очень большого влияния инновационной составляющей на цену продукции.

Но и то, что такой отрыв виртуальной экономики от реальной экономики (который имеет место быть), и роль виртуальной составляющей, в том числе

и в ВВП – это, мне кажется, дезинформирует, дает неправильные ориентиры для принятия решений и для оценок.

Еще один момент, на который мы должны обратить внимание.

Очень жесткий отрыв капитала функции от капитала собственности.
Фактически революция топ-менеджмента экономической жизни всех.

Поэтому «экономический человек», о котором говорил академик Некипелов, он уже какой-то и не совсем «экономический» – она вот такой «топ-менеджерский». Он, значит, всем управляет – а предпринимательского риска у него нет.

Есть очень много вызовов для экономической науки.

Как для макроэкономики, так и для микро. Потому что и на микро-уровне парадигмы изменились. А когда это суперкорпорация, то уж не знаешь, как к ней относиться: измерять ее макропарадигмами или микропарадигмами.

Спасибо.

Руслан Гринберг: Спасибо. Пожалуйста.

Владимир Якунин: Мне представляется, что нельзя улучшить то, что на самом деле разрушает цель, ради которой это создавалось. Я говорю об «экономическом человеке», уважаемый академик.

Использование модели «экономического человека» низводит человеческую сущность до достаточно примитивных потребностей и удовлетворения этих потребностей.

Когда мы говорим об экономике, когда мы говорим о социологии, когда говорим о политике – мы говорим о творчестве людей. Человек, который лишен стимулов для этого творчества – это не более как абсолютно упрощенная модель («сколько надо поесть», «куда после этого сходить» и «сколько надо поспать»).

Второе.

Анализируя сегодняшнюю глобальную трансформацию, которая происходит в мире, и признавая, что неолиберальная теория потерпела сокрушительный удар и поражение в 2008-м году, когда в конце концов было признано, что мир находится в состоянии системного кризиса (не экономического – а системного кризиса). После этого, когда мы наблюдаем те поползновения, решить проблему Еврозоны за счет, по сути дела, реквизиции части активов – о каком неолиберализме здесь можно сегодня говорить.

Третье.

Мы являемся свидетелями патентованного процесса легализации неокOLONиализма. Потому что в любой экономической теории, практике всегда мы знаем: есть центры профита, и есть центры расходов. Однажды выступая на МОФ «Диалог цивилизаций», по-моему, Альфред, вы сказали, что «сегодняшний мир работает по принципу национализации рисков и приватизации профита». Так вот это типичный пример, который мы наблюдаем в глобальном масштабе.

Наконец, последнее.

Безусловно, никто сегодня не скажет, какой должна быть парадигма будущего развития. Но если этим не заниматься сегодня, то и послезавтра мы будем по-прежнему использовать одно и то же лекарство, которое прописывается для всех абсолютно болезней. Мир от этого точно здоровее не станет.

(Аплодисменты).

Руслан Гринберг: Спасибо. Владимир Иванович, я хотел бы как-то **примитивизировать(?)** дискуссию, чтобы мы вокруг да около не ходили.

Александр Дмитриевич Некипелов сказал, что *рынок незаменим*. Я тоже поддерживаю. Потому что он немножко мой начальник еще. *(Смех в зале)*. Но, вообще говоря, я думаю, что он незаменим – точно.

Бузгалин сказал, что рынок *незаменим сегодня*. Это очень важно. А я хочу спросить вас всех – а завтра, послезавтра?

Я так понял из размышлений **Владимира Ивановича**, что все-таки он как-то склоняется к этой позиции: что, в принципе, рыночная система, похоже, дает сбой. Как бы ее не называть – либеральная, социальная. Или я ошибся?

Владимир Якунин: Нет, вы ошибаетесь. Совершенно не это. Дело в том, что мы старым термином «капитализм» называем систему, к которой капитализм имеет такое же отношение, как я к Папе Римскому.

Руслан Гринберг: Нет, я про рынок говорю.

Владимир Якунин: Рыночная экономика присутствует, и это не есть тот капитализм, о котором сегодня говорят, показывая, что это капитализм.

Руслан Гринберг: Хорошо. Я понял.

Владимир Якунин: Если мы берем марксовскую формулу. Вначале произошло отчуждение труда от капитала – а потом в капитале произошло отчуждение финансового капитала от конечного продукта. В результате то,

что мы сегодня имеем – мы и имеем кризис, начинавшийся как финансовый, а окончившийся как системный кризис.

Руслан Гринберг: Я понял. Сейчас профессор Валлерстайн, потом ответ. Прошу вас, профессор. Вы за рынок или против?

Иммануил Валлерстайн: *(Речь на английском языке, 04:19 – 07:03).*
(Аплодисменты).

Руслан Гринберг: Это очень, очень интересное заявление. Capitalism anti-market economy. Это для меня очень новая вещь. Сейчас **Альфред Гузенбауэр**, потом Некипелов, потом Колодко. Прошу вас, короткие вещи только по этим вещам – по дефинициям.

Альфред Гузенбауэр: *(Речь на английском языке, 07:28 – 10:34).*

Руслан Гринберг: *(Речь на английском языке, 10:35 – 10:43).* *(Смех в зале, аплодисменты).* Мне очень интересно знать мнение академика Некипелова по поводу того, что «капитализм начинается там, где кончается рыночная экономика». Я такого никогда не слышал, но когда-то надо начинать. *(Смех в зале).*

Александр Некипелов: Спасибо. Я согласен с профессором Валлерстайном, что, наверное, здесь проблемы терминологического характера. Наверное, никакой здравомыслящий человек не думает, что современная экономика является экономикой свободной конкуренции. Этого никто не думает.

Но из этого совсем не следует, что понимание законов функционирования свободной конкуренции не является важным для того, чтобы понять, что потом происходит, и как это потом деформируется, почему и так далее.

То же самое относится к «экономическом человеку». Я так же, как сам Адам Смит (автор этой концепции), не считаю (и он не считал), что человек является «экономически человеком».

Это абстракция, которая позволяет многие вещи (не все, но многие) объяснить. Она позволяет (если на технические позиции становиться) объяснить, почему цена падает в большинстве случаев, когда предложение увеличивается или спрос падает, и так далее.

Но это совершенно не означает, что Смит считал, что все качества человека сводятся именно к качествам «экономического человека». Это разные вещи.

По поводу ВВП. Гжегож поднял этот важный вопрос. На мой взгляд, он является частью более широкого и очень серьезного вопроса. Это одна из тех вещей, которые остаются загадкой для экономической теории после того, как

Кеннет Эрроу сформулировал теорему о возможности или о невозможности, как ее часто называют. Когда выяснилось, что невозможно сформулировать (в рамках тех предположений, которые были), что представляет из себя система групповых интересов.

А этот вопрос приводит к тому (и многие этого не понимают), что вообще сегодня в экономической науке два качественно разных раздела, покоящихся на разных основаниях.

Микроэкономика, которая исходит из того, что межличностные сравнения полезности и благосостояния невозможны, и *макроэкономика*, которая суммирует стоимостные показатели, рассматривает их как характеристику уровня успешности развития.

Дело не в том, что GDP – плохой показатель. Есть попытки составить другие. Дело в том, что *микроэкономика* оперирует векторами, а *макроэкономика* пытается спрессовать ради удобства и практического применения и представить это в скалярном выражении, в виде числа.

Можно в GDP пытаться добавить экологическую составляющую, можно массу других, но это не изменит сути соответствующего показателя как скалярной величины.

Последнее, что касается Маркса. Я считаю, что это был совершенно выдающийся ученый. Я думаю, его наследие важно сегодня. Потому что он поставил перед собой задачу – создать целостное представление функционирования экономической системы. Сегодня оно у нас во многом разрушено.

Спасибо.

(Аплодисменты).

Руслан Гринберг: Спасибо. У нас еще есть пять минут. Я хочу зачитать одну записку. Это **Владимир Николаевич Боглаев**, генеральный директор Череповецкого литейно-механического завода. Он пишет: *«Очевидна разница в подходе наших и зарубежных спикеров. Они говорят о проблемах и думают, как их решить. А наши говорят, как кто-то плохо сделал. Но наши не говорят, а кто это сделал и кто будет исправлять!».*

(Смех в зале, аплодисменты).

Я думаю, что действительно, наверное, есть разница в менталитетах. Мне кажется, что эта проблема, «кто виноват» и «что надо делать», она вечная у нас... Но мы ее будем решать после ланча. Будет у меня здесь в этом зале **«Экономическая свобода и социальная справедливость: уроки мирового**

экономического кризиса». А сейчас, может быть, кто-нибудь из зала хочет? Давайте.

Женский голос: Спасибо большое, что мне дали слово.

Руслан Гринберг: Вы представьтесь только.

Женский голос: Карина (**фамилия неразборчиво, 03:30**), управляющая высокотехнологичными проектами в области стартапов. Как раз я хотела сказать, ответить на вопрос, почему у нас страна с таким интеллектуальным потенциалом... 80% лаборатории, в которой я работала (из Института электроники и радиотехники РАН), сейчас сидит в Силиконовой долине и блестяще выполняет различные R&D-проекты. И почему-то не находится здесь!

Это только потому, что у нас такое управление наукой и экономикой. Бизнес и технологии у нас не управляются в нужном направлении. Вот поэтому это и происходит. Когда я попыталась поставить этот вопрос на Гайдаровском форуме, ко мне приставили четырех секьюрити, чтобы я больше вопросы не задавала. Происходит это вот именно потому. Это первое.

(Аплодисменты).

Руслан Гринберг: А кто, по-вашему, виноват. Горбачев виноват – начал выпускать (**кого не попадя?, 04:28**)?

Женский голос: Я не об этом. О том, как это исправить, как решить этот факт, написаны монографии по управлению наукой в США, созданы институтом США и Канады Академии Наук СССР еще в 1989-м году – как нам перейти «на рыночные рельсы» (как тогда это писалось). Лично я хотела написать диссертацию под руководством академика Аганбегяна Абела Гезовича и **Гуляева** о том, как перевести академический институт на рыночные рельсы в 1989 – 1991-м годах.

Было самоочевидно и ясно, что просто так само по себе это не произойдет. Однако, некоторые товарищи, включая уважаемого очень Чубайсом Гайдара и им самим, гикнули экономику просто так в пропасть, не моргнув глазом, заколачивая гвоздь в гроб коммунизма.

Однако вместе с водой выплеснули ребенка, а именно блестящую науку СССР и много чего еще.

Но я хотела сказать о будущем.

Кстати, Чубайс сказал, что ему не нравилось в СССР слушать «Пионерскую зорьку». Видимо, он хотел всех обучить слушать «Капиталистический закат».

(Смех в зале, аплодисменты).

Руслан Гринберг: Простите, ради Бога. Мы будем...

Женский голос: Одну секунду, я скажу о будущем. Не надо ставить человека в центр Вселенной, как до Коперника ставили Землю в центр Вселенной. Человек – это всего лишь инструмент Господа Бога, созданный для определенных целей. *(Нетерпеливые аплодисменты в зале).* Одна из этих целей – экспансия в будущее, взлет человека, где ликует разворачивающееся пространство.

Руслан Гринберг: Спасибо. Спасибо большое.

Женский голос: Я хочу сказать: не надо смотреть в прошлое. Надо создавать будущую экономику, экономику развития, к которой подошла мировая цивилизация в плане глобализации технологий, которые сейчас позволяют делать следующий могущественный рывок. Я призываю всех соратников. Спасибо большое.

(Аплодисменты).

Руслан Гринберг: Вот смотрите. На самом деле, самое интересное только начинается. *(Хохот в зале).* Я хотел бы жестко сказать. У нас целых два дня работы – и от этого вопроса мы не уйдем. Мы, конечно, все знаем, что «Чубайс виноват во всем». *(Смех в зале).* Но мы должны как-то исправлять ситуацию.

Сейчас я никому больше не даю слово. Мы сейчас будем делать кофе-паузу. Потом начнется вторая панельная дискуссия. А уже потом начнется соревнование интеллектов по поводу экономической свободы и социальной справедливости.

Всем спасибо. Благодарю за внимание.